

О'Нила) и американскому «Новому Адаму», жителю американского Нового Рая (образ Нового Адама особенно часто встречается в романтической литературе США в творчестве таких писателей, как Ф. Купер, Р. Эмерсон и творчестве некоторых писателей-реалистов, например, М. Твена).

Таким образом, пуритане привнесли в концепцию «американской мечты» ее основные составляющие: идею предназначения, богоизбранности и особой миссии Америки в мире, а также заложили основу американского индивидуализма и идеи «новых начинаний».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт. – М., 1993. – 480 с.
2. Голенпольский Т.Г., Шестаков В.П. «Американская мечта» и американская действительность. – М., 1981. – 208 с.
3. Литература США XX века. Опыт типологического исследования. – М., 1978. – 568 с.
4. Поликарпов В.С. Закат Америки. – Таганрог, 1999. – 417 с.
5. Попова М.К. Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании. – Воронеж,

2004. – 169 с.

6. Сардар З., Дэвис М.В. Почему люди ненавидят Америку? / Пер. с англ. С. Л. Могилевский. – М., 2003. – 240 с.
7. Bercovitch S. The American Jeremiad / S. Bercovitch. – The University of Wisconsin Press, 1978. – 240 p.
8. Cullen J. The American Dream: A Short Story of an Idea that Shaped a Nation / J. Cullen. – Oxford University Press, 2003 – 214 p.
9. Perry B. The American Spirit in Literature, A Chronicle of Great Interpreters / B.Perry. – Oxford University Press, 1991. – 109 p.

Zh. Konovalova

PURITAN COMPONENT OF THE “AMERICAN DREAM”

Abstract. The article deals with the main components of the “American Dream”, the emphasis is being made on dominant role of puritan ideas that form phenomenon of “American dream”, the ideas of destiny being chosen by God. Special American mission in the world, the American individualism and innovations.

Key words: The “American Dream”, puritan component, destiny, God chosen, special mission of the USA in the world.

УДК 821.161.1 “17”

Лаходынова Н.Ю.

ПРОБЛЕМА ЖЕНСКОГО ИДЕАЛА В РОМАНАХ Н.Ф. ЭМИНА (ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО СЕНТИМЕНТАЛИЗМА «ВТОРОЙ ВОЛНЫ»)*

Аннотация. В настоящей статье исследуются особенности нравственно-эстетического идеала русского сентиментализма «второй волны» в романах Николая Федоровича Эмина «Роза» (1786) и «Игра судьбы» (1789) на примере сопоставления женских образов.

Ключевые слова: вторая волна русского сентиментализма, нравственно-эстетические идеалы сентиментализма, философско-эстетическое понятие «красоты», образ чувствительной героини, образ идиллического «идеального пейзажа».

В литературе русского сентиментализма приоритетное внимание в свете становления нового психологизма уделялось рассмотрению духовно-нравственных вопросов в жизни человека и мира. В отличие от классицизма, в сентиментализме, по мнению современного

ученого-исследователя М.В. Иванова, «хронотоп» художественного произведения был представлен достаточно локально, обуславливался небольшой территорией, где существовала малая группа людей, и тем самым «общие категории наполнились теплом конкретного бытия в круге близких людей, внеличностное значение оборачивалось смыслом реального взаимодействия людей – неформального, гибкого, погруженного в близкую и практически понятную жизнь» [3, 173].

Подобное восприятие мира и человека мы ясно увидим и в творчестве Николая Федоровича Эмина (1767 – 1814) [9, 219], известного представителя второй волны русского сентиментализма. Его более знаменитый отец, Ф.А. Эмин, творил также в русле этого направления, встав фактически у его истоков в России [11, 5]. Перу Эмина-младшего принадлежит ряд известных в свое время в

* © Лаходынова Н.Ю.

словесности прозаических и драматических произведений: «Мнимый мудрец, комедия в 5 действиях» (1786), «Роза. Полусправедливая оригинальная повесть» (1786), «Знатоки, комедия в стихах» (1788), роман «Игра судьбы» (1789), а также ряд стихотворений, среди которых выделяется цикл «Подражания древним» (1795) [12, 228].

В русской литературе XVIII века на первый план выдвигается новый жанр – роман, где «предметом художественного познания стали отношения личности и социума» [4, 6]. Между тем роман как литературный жанр, по мнению исследователя Т.Е. Автухович, складывается под влиянием риторической школы и отличается своей антиисторической направленностью, красноречивостью, витиеватостью языка [1, 79].

Присущие сентиментализму нравственно-эстетические идеалы, прежде всего, нашли свое художественное воплощение в романах Н.Ф. Эмина – «Роза. Полусправедливая оригинальная повесть» и «Игра судьбы».

Как известно, литература периода расцвета сентиментализма в лице Н.М. Карамзина, П.И. Шаликова, П.А. Плавильщикова, В.В. Измайлова огромное значение придавала роли женщины, которая воспринималась как «хранительница семейного очага, выразительница высших «природных» качеств – чувствительности, сострадания, заботы о близких» [3, 222]. Во многом следуя общим тенденциям в литературе своего времени при создании главных женских образов в произведениях, Эмин-младший, тем не менее, по своему решает проблему женского идеала.

В связи с этим встает вопрос о своеобразии эстетических представлений писателей сентиментализма. Обратимся к теории в историческом аспекте.

В поисках идеала авторы русского сентиментализма обращались к различным категориям и понятиям античной литературы, философии и эстетики, в частности, к философско-эстетическому понятию «красоты».

Размышляли о природе «прекрасного» и зарубежные и российские философы и писатели Нового времени: Э. Шефтсбери, Ф. Хатчесон, А. Смит, И.Г. Зюльцер, М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков, Н.И. Новиков, Н.М. Карамзин.

Сентиментализм, поставивший на первый план этические проблемы, и понятие «красоты» рассматривает с нравственно-моральных позиций: «... внутренняя, душевная красота начинает цениться выше, чем красота внешняя, физическая», – отмечает Н.Д.

Кочеткова [6, 194].

В романах Эмина-младшего понятие «красоты» в связи с женским идеалом раскрывается двупланово.

С одной стороны, «красота» предстает как одна из важнейших составляющих при обрисовке портрета героинь. Здесь, будучи достаточно чутким к современным веяниям и «модам», Н. Эмин следует традициям сложившейся к тому времени и на «массовом» уровне сентименталистской литературы. В портретном описании главных героинь романов – Розы и Плениры – появляются такие неизменные «чувствительные» атрибуты красоты в сентименталистском ее понимании, как «голубые глаза», «белая кожа», «румянец», «светло-русые волосы». Уже они служат автору для передачи идеала, воплощавшего качества, наиболее привлекательные с точки зрения «чувствительного» человека. Так, главный герой романа «Роза» Милон описывает другу Честону свои впечатления от встречи с прекрасной незнакомкой: «Глаза, не воображай себе, чтоб они были черные, которые из-под густых ресниц выбрасывают искры нескромной страсти, нет, это светло-голубые; поразительный и томный взор их возвещает вдруг основательный рассудок и удивительную тонкость; в них искусный чтец может читать все: это зеркало чувствительности» [13, 13]. Девушка, имевшая голубые глаза, в которых отражались кротость и невинность, согласно законам поэтики сентиментализма, просто не могла быть носительницей зла и коварства. Известно, что в русской культуре, начиная с древнего периода, голубой цвет воспринимался как цвет небес, духовной любви, постоянства, истины и верности. Человек, облаченный в одежды этого цвета, воспринимался носителем этих добродетелей [2, 204].

Однако, с другой стороны, Н. Эмин стремится придать своим героиням и индивидуальный характер. Не последнюю роль играют при этом традиции идиллической поэтики. Н.Л. Вершинина видит главный смысл мировидения идиллии в гармонической связи человека и природы, Натуры. В этом идиллия «становится высшей, завершающей фазой развития, воспеваемой в гимне обретенной Природе» [10, 88]. Облик Розы в романе Н. Эмина и соответствует идиллическому образу пастушки, в которой главное – простота и естественность: «Пюсовый левит, подпоясанный золотой цепью – вот все ее украшение. Висящие локоны, продернутая в волосах ленточка – вот ее уборка» [13, 32].

Что касается портрета Прелесты в романе «Игра судьбы», то здесь автор обращается уже более широкому контексту культуры – к мифолого-аллегорическим образам-символам, призванным подчеркнуть нечто неземное, божественное, таинственное в образе Пленеры: «Глаза подобны двум светильникам жизни; милая улыбка соединяет в себе важность Паллады, кротость Авроры, хитрость Венеры. Сфера некой священной роскоши поддерживает стан, посрамляющий размер Пигмалиона, благопристойность и вкус неподражаемый шьют ей одежды; Грации, украв башмачок Пленерин, старались попеременно вздеть, рассердились и божились честью, что стыдно иметь такую детскую ножку; Зефиры убирают ей волосы, и Амур накалывает ленточку» [14, 14].

Образами античной мифологии достаточно широко пользовались в различных художественных целях и другие писатели русского сентиментализма. Так, они встречаются у современника Н. Эмина И.Ф. Богдановича в его ирои-комической поэме «Душенька». Как отмечает О.Б. Лебедева, Богданович в своей поэме органично сочетал античные образы с фольклорными персонажами из русских волшебных сказок: «...это принципиально новая эстетическая позиция, с которой поэма написана. Богданович демонстративно противопоставил свое легкое, изящное, не претендующее на нравоучение и мораль сочинение еще вполне устойчивым взглядам на литературу как «училище нравственности»» [7, 218]

Наряду с подобным описанием Пленеры в романе появляется и другое. Оно наполнено определенными деталями и тем самым призвано придать образу героини более глубокую, психологическую характеристику. Здесь Эмин-младший проявляет в большей степени свою индивидуальность: «...надобно уметь представить, живо вообразить милую улыбку, животворный голос, надобно уметь читать это прелестное молчание, это восхитительное замешательство, этот благопристойный стыд, этот немой разговор томных глаз...» [14, 50]. (Интересно, что одним из первых немой разговор глаз в русском сентиментализме воспел Карамзин в своей знаменитой истории о «бедной Лизе!»).

Использует Н. Эмин как дополнение к образу героинь и поэтику вещи – столь важной нередко в общем сюжетном развитии произведения «чувствительной находки»: «плюсовый снурок» и «портрет» своей избранницы главный герой Всемирл находит в саду.

Для него это – символы, напоминающие о возлюбленной и дающие надежду на скорую встречу.

В обрисовке внешности обеих героинь у Эмина-младшего подчеркиваются одновременно естественное начало, берущее свои истоки от природы, и, уже уровнем выше, – нечто совершенное, созданное под воздействием сверхъестественных, подчас божественных сил. Не удивительно, что Всемирл, например, часто называет свою возлюбленную «Ангелом».

Однако, с другой стороны, понятие красоты характеризует и более важное, духовное начало в героинях. Сентименталисты-просветители считали, что человеку необходимо реализовать свой внутренний, духовный потенциал. На первое место они в связи с этим ставили такое качество, как добродетель. Эмин-младший в своих романах на примере судеб героев намечает несколько путей духовного совершенствования человека.

Во-первых, это общение с миром природы. И Роза, и Пленера предстают в романах его окружении. Пейзаж, как правило, имеет характер идиллический, подчеркивающий естественную, нетронутую красоту мира. Складывается так называемый «идеальный пейзаж», который в своих исследованиях рассматривали многие ученые, как российские, так и зарубежные (Ю. Манн, Д. Шенк, Н. Кочеткова, Н. Вершинина). Так Д. Шенк видит в идеальном ландшафте «картину миролюбивой природы, своеобразное возрождение золотого века» [15, 48].

Природа в романах Н. Эмина, как и человек, сочетает внешнюю и внутреннюю красоту. Так, она всегда живописна. Это передается писателем с помощью цветового и звукового эффектов: яркое солнце, зелень деревьев, синева ручьев и рек, пение птиц. Например, Милон описывает свои впечатления от усадьбы Графа Д., отца Розы: «Положение места наипрекраснейшее: река, разделяясь в три потока, образовала небольшие островки, в которых искусство, пособя немного природе, представляет приятные Англинские дикости» [13, 23]. Всемирл в романе «Игра судьбы» вспоминает полдень, когда впервые встретился с Пленерой: «День был приятнейший. Зашел я в сад и, сев под тень деревьев, беседовал с Геснером <вновь – четкая отсылка на чувствительную философию: Солломон Геснер – создатель новоевропейской идиллии! – Н. Л.>. Сладкогласный сей соловей насвистывал мне полевые удовольствия. Плененный чистотой и мягкостью его органа,

в какое приведен я был восхищение, услыша неподалеку разговор двух женщин» [14, 13-14].

Природа – колыбель естества – выступает как нечто близкое героиням, как мир, неотделимый от них и для них родной, помогающий уйти от суеты и пороков. Природа умиротворяет, дает героиням успокоение.

Однако психологическая картина в произведениях и усложняется, что особенно ясно видно на фоне нетревожной гармоничности природы. В обоих романах Н. Эмина спутницей героев нередко оказывается тема одиночества, которая связана с их внутренним состоянием. Героини одиноки по воле судьбы. Так Роза, по своей сути (ее имя также показательно!), дитя природы. Детскость в героине проявляется через ее доверчивость и наивность – с одной стороны, и чувства сострадания и долга – с другой. Роза выросла в семье, где всем домом заправляет ее мать, где отец слепо подчиняется жене, а это значит, что слово родителей для девушки есть закон и истина. Роза всегда чувствовала себя не такой, как все. Об этом ей говорит и сестра Краса, когда они в очередной раз прогуливались по роще: «По чести, Роза, с тобою очень весело прогуливаться: всегда верный случай зевать» [13, 13]. Но именно родители решают судьбу своей дочери, и она, полная чувства долга по отношению к ним, соглашается на роковой шаг – выходит замуж за нелюбимого, но богатого человека.

Подобная сюжетная линия нередко использовалась и русскими драматургами в конце XVIII – начале XIX веков. Так герои трагедий В. Озерова становились жертвами рока, причем нередко сами избирали свою судьбу: «...Поликсена отличается уже не только нежностью мечтательностью, но и стойкостью, готовностью пожертвовать собой во имя общих интересов» [5, 199].

Другая героиня Эмина-младшего, Пленира, будучи также молодой, наивной и одинокой, подчиняется воле умирающего отца (в романе нет упоминания о ее матери) и связывает свою судьбу с человеком втрое старше себя. Она как ребенок чувствует себя незащищенной, ищет поддержки у супруга, воспринимая его как родителя. У природы Пленира просит помощи и утешения. И та дарует ей его – через исцеляющее уединение. Вот что говорит девушка подруге Милене: «Должность – вот утешение, которого никогда не вкушают пороки. ...Уединение умножило задумчивость, иногда плачу и не знаю, чего желаю, все упреждает мою волю...» [14, 65].

Иной путь воспитания Добродетели, что позволяет говорить о духовном богатстве личности, – это чтение, которое занимает большую часть свободного времени у героинь. Роза и Пленира зачитываются философскими трактатами Юнга, романами Гете, Грандинсона, Руссо. Причем обе девушки любят читать на лоне природы. В книгах они находят и утешение, и советы для жизни. «Поступать по-письменному» – значит следовать тем нравственным идеалам, которые герой почерпнул из прочитанных им книг», – заметила в связи с поэтикой чтения в русском сентиментализме Н.Д. Кочеткова [6, 180]. Однако важен не сам кодекс поведения, переданный в европейских романах, а эмоциональный отклик на происходящие в них события, отклик в сердцах героинь. Именно по книгам и Роза, и Пленира узнают о жизни, об отношениях между людьми, о том, чего недостает им в реальности. Умение эмоционально откликаться на явления действительности возвышает героинь над всеми остальными в романе. Так, Роза, узнав о пристрастии к чтению у Милона, признается всем: «Вы, видите, матушка, что я не одна пленяюсь Юнгом. Стыдно сказать: читая его, не могу не плакать...» [13, 28].

Наконец, огромное значение в духовном развитии героинь в романах Н. Эмина имеет Музыка. «Новые области камерной музыкальной культуры выдвигаются в значительной связи с теми художественными течениями, которые особо отметили собой, по-своему окрасили последние десятилетия века... Поэзия личных переживаний и малых дел, апология интимного, нежной чувствительности и «простых душ», меланхолия... – все это... по-своему сказало и в новом понимании музыки», – отмечает исследователь Т.Н. Ливанова [8, 214–215]. Игра на арфе или клавесине помогает Розе и Пленире почувствовать красоту жизни и так же победить печаль одиночества, как и при чтении книг. При этом искусство игры на музыкальных инструментах еще более отличает героинь от окружающих людей. Так Милон передает свои чувства Честону по поводу услышанной игры Розы на клавесине: «После обеда села она по приказанию Графини за клавесины. Какой прием! Какая проворность! Какая приятность! Нет, конечно, никогда хладные кости никому столько не покорялись: жалобная песня привела меня в восхищение» [13, 31].

Именно сентименталисты в России пришли к новому пониманию глубокого эмоционального воздействия искусства на нравствен-

ную природу человека [6, 118]. Образование и воспитание для сентименталистов были так же важны для развития личности, как и влияние мира природы.

Добродетель, в представлениях писателей-сентименталистов, помимо мира внутренней красоты, также связана с такими важнейшими категориями духовного мира человека, как совесть, честь и одновременно – любовь и сострадание. XVIII век в России вообще – эпоха поиска нравственного идеала человека. Во второй половине столетия одной из самых важных своих целей русские мыслители считали как раз поиск того важнейшего начала, что не давало бы человеку совершать злодеяния, но стремиться к добру. Главной они выбрали – «говорящую совесть» [6, 125]. Совесть, в понимании писателей сентиментализма и близких им, это – «внутренняя церковь», она обязательно поможет в преодолении греховности и несовершенства мира [10, 157].

Добродетельный человек – это, прежде всего, личность, способная любить и сострадать окружающим, независимо от их сословной или социальной принадлежности и иных различий. В этом смысле русским сентименталистам были близки гуманистические взгляды А. Смита, который считал, что добродетельный человек должен «отдавать свое сочувствие другим и забывать самого себя, ограничивать, насколько возможно, личный эгоизм» [6, 132]. По мнению М.В. Иванова, женский идеал в литературе сентиментализма формируется под воздействием именно гуманистических взглядов, распространяющихся на все слои социальной жизни: «...взгляд женщины оценивает, насколько «большая» общественная жизнь соответствует своей первооснове – семейному бытию, насколько государственные и гражданские идеалы созвучны «зову природы», объединяющему людей через сердечное влечение (любовь), заботу (брак, материнство), сочувствие и сопереживание (дружба), милосердие (филантропия)» [3, 266]. Так, на страстные речи Милона «в защиту слез» Роза соглашается: «Я иду смело противу твердых нравов, приписывающих плач слабости... Слабость ли ощущать сожаление? Слабость ли разделять горесть? Слабость ли человеку быть человеком?» [13, 28 – 29].

Не поддаваться гибельным страстям героям помогает внутренний голос совести. Нередко он персонифицируется в образе некоего строгого Судьи. О жестоком наказании за преступную любовь говорит Нелест, друг

Всемила, в романе «Игра судьбы», когда умоляет молодых женщин опасаться рокового чувства любви: «Не надейтесь на твердость. Коварные Протеи подделают ключ к чувствам вашим. Наконец померкнет свет мнимый, убийца предстанет в своем виде. Раскаяние, стыд, отчаяние и самый ад – вот награды, которые готовит вам бедственное ослепление» [14, 137].

И Роза, и Пленира у Н. Эмина, совершая тот или иной поступок, испытывают нередко колебания и муки совести. Особенно тяжелый выбор им предстоит сделать между долгом и настоящим чувством. Поступают героини по-разному. Роза, снедаемая тяжким раскаянием, в страстном чувстве к Милону открыто признается своей подруге: «Все свершилось! Злоба увенчала свои действия... слабость... Так я презренна супругом, презренна целым светом.... Вижу Розу. О стыд! Утопающую в сладострастии, дочь недостойную, супругу неверную... Раскаяние раздирает мою душу, все укоряет меня, все гнушаются мною» [13, 163]. Роза предпочла выбрать смерть, узнав о гибели своего возлюбленного.

Пленира считает, что за любовь нужно бороться и смерть не может решить всех проблем и преодолеть все препятствия, возникающие на пути возлюбленных. Поэтому так смело ее письмо к Всемилу: «Кто прямо любит, тот не боится жить» [14, 123]. Героиня предпочла отдаться на волю судьбы и во всем признаться супругу. Судьба вознаграждает ее за этот поступок. Пленира воссоединяется с Всемилом в конце романа.

Проблема Смерти решается в романах по-разному: в «Розе...» Смерть явилась своеобразной высшей очистительной силой для души героини и потому воспринимается как подарок Судьбы, а в «Игре судьбы» даже угроза смерти воспринимается как наказание, беда, катастрофа, не дающая возможности для исправления допущенных ошибок.

Таким образом, можно говорить о том, что проблема женского идеала является для Н.Ф. Эмина важнейшей и концептуальной в развитии событийного и психологического действия в романах «Роза» и «Игра судьбы». Так, писатель вводит символику «чувствительной вещи», чтобы ярче и тоньше обрисовать образы своих героинь. Эмин-младший поднимает такие важные темы для русского сентиментализма, как тема семьи и родственных взаимоотношений и тема одиночества в кругу близких людей. Все это найдет свое продолжение в русской литературе первой половины XIX века. Наряду с этим роман в

творчестве Н. Эмина претерпевает некоторые жанровые изменения: завязка действия обусловлена неожиданным появлением героинь, развитие сюжета тесно переплетается с внутренними, душевными переживаниями героев, а развязка действия в романе «Игра судьбы» признана подчеркнуть поиск автора новых нравственно-эстетических идеалов за пределами сентиментализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Автухович Т.Е. Риторика и русский роман XVIII века: Взаимодействие в начальный период формирования жанра: Учебное пособие для студентов филологических специальностей. – Гродно, 1996. – 186 с.
2. Апостолос-Каппадона Д. Словарь христианского искусства / Пер. на рус. А.А.Иванова. – Челябинск, 2000. – 272 с.
3. Иванов М.В. Судьба русского сентиментализма. – СПб., 1996. – 320 с.
4. Калашникова О.Л. Русский роман 1760 – 1770-х годов: Учебное пособие. – Днепропетровск, 1991. – 160 с.
5. Кочеткова Н.Д. Трагедия и сентиментальная драма начала XIX века // История русской драматургии XVII – пер. пол. XIX века. – Л., 1982. – С. 181–220
6. Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма. – СПб., 1994. – 282 с.
7. Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII века. – М., 2003. – 415 с.
8. Ливанова Т.Н. Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом: исследования и материалы // Русское просвещение XVIII века и народная песня. – М., 1953. – Т. 2. – 476 с.
9. Ольшевская Л. Эмин Николай Федорович // Русская литература XVIII века: словарь-справочник / Под ред. В.И. Федорова. – М., 1997. – 248 с.
10. Пашкуров А.Н. Жанрово-тематические модификации поэзии русского сентиментализма и предромантизма в свете категории возвышенного. Дисс...док. филол. наук. – Казань, 2005. – 461 с.
11. Степанюк Е.И. Жизнь и творчество Н.Ф.Эмина: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Л., 1975. – 17 с.
12. Циммерман А. Эмин Николай Федорович // Русский биографический словарь / Под ред. М.Г. Курдюмова. – М., 1999. – 366 с.
13. Эмин Н.Ф. Роза. Полусправедливая оригинальная повесть. – СПб., 1788. – 202 с.
14. Эмин Н.Ф. Игра судьбы: роман. – СПб., 1789. – 174 с.
15. Schenk D. Studien zur anakreontischen Ode in der russischen Literatur des Klassizismus und der Empfindsamkeit / D. Schenk. – Athenaum Verlag, 1972. – 170 s.

N. Lakhodynova

THE PROBLEM OF THE FEMALE IDEAL IN N. EMIN'S NOVELS (FROM THE HISTORY OF RUSSIAN SENTIMENTALISM OF THE SECOND WAVE)

Abstract. In the present article features of the moral-aesthetic ideal of Russian sentimentalism of the second wave in Nikolay Fedorovich Emin's novels "Rose" (1786) and "Trick of fate" (1789) are studied on the example of comparison of female images.

Key words: the second wave of Russian sentimentalism, moral-aesthetic ideals of sentimentalism, the philosophical-aesthetic concept of "beauty", the image of the sensitive heroine, the image of the idyllic «ideal landscape».

УДК 82.09:821.161.1-31 Андреев Л.

Петрова Е.И.

ИГРА, СИМУЛЯКРЫ И ПСЕВДОПОДОБИЯ
В ПОВЕСТИ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА «МОИ ЗАПИСКИ»*

Аннотация. Представленный анализ повести Л. Андреева «Мои записки» показал, что писатель разработал принципы, которые легли в основу поэтики сюрреализма и постмодернизма: отказ от идеи бинарных оппозиций, радикальный плюрализм, тотальная игра, проникнутая всемогущим духом Pseudos. С помощью симулякров автор играет с читателем, оказывая на него наиболее сильное воздействие.

Ключевые слова: игра, симулякр, псевдоподобие, Леонид Андреев, Мои записки, сюрреализм, постмодернизм.

Повесть «Мои записки» занимает особое место в творчестве Л. Андреева, о чем свидетельствует сам автор, называя ее лучшим и любимым своим произведением¹, а также мнение М. Горького, одного из самых чутких и яростных критиков писателя, о том, что «Мои записки» – это «верный ключ, коим отпираются все «тайны» его творчества» [3, 450].

* © Петрова Е.И.